

В.И. Сахаров

[М.А. Булгаков

Вступительная статья к книге]

Михаил Афанасьевич Булгаков умер 10 марта 1940 года.

Уже была спрятана его женой Еленой Сергеевной в секретер красного дерева рукопись романа «Мастер и Маргарита», где сказаны пронзительные, знаменитые ныне слова: «Как таинственны туманы над болотами! Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти...»

Уже запомнил навсегда друг-писатель прощальный завет умирающего: «Не срывайся, не падай, не ползи. Ты — это ты, и, пожалуй, это самое главное».

Уже записала плачущая Елена Сергеевна последние горестные мысли Булгакова: «Служить народу... За что меня жали? Я хотел служить народу... Я никому не делал зла».

И вдруг посреди безмолвного горя и страшной обыденности похорон зазвонил телефон. Подошел друг покойного Сергей Ермолинский. Звонили из секретариата Сталина.

— Правда ли, что умер товарищ Булгаков?

— Да, он умер.

На другом конце провода помолчали и осторожно положили трубку.

15 марта в «Литературной газете» появились фотография и некролог: «Умер Михаил Афанасьевич Булгаков — писатель очень большого таланта и блестящего мастерства...» Подпись одна, коллективная — «Президиум Союза советских писателей». Некролог как некролог, вполне официален, написан А. Фадеевым сердечно, не казенно. Но в тогдашней литературе давно уже не существовало писателя Булгакова. Он молчаливо считался явлением «незаконным». Высокопоставленные чиновники из секретариата СП старались его не замечать, избегали встреч. И вдруг такая храбрость... Непонятно...

Тогда же благоразумно отсутствовавший на похоронах А. Фадеев написал вдове Булгакова неожиданно смелое, прочувствованное письмо. Интересны его строки: «И люди политики, и люди литературы знают, что он человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью...» Даже если бы слова эти были сказаны вдове опального писателя с глазу на глаз, они, с точки зрения тогдашних «людей политики», выглядели бы непростительной, опасной оплошностью. Но они содержатся в официальном письме. Значит, Фадеев знал, что делал, и говорил не только от своего имени.

Похоронили Булгакова на Новодевичьем кладбище, неподалеку от могил Чехова и актеров МХАТа. И снова удивляет загадочная смелость обычно осторожнейших советских чиновников. Как они решились на это? Ведь ни Художественный, ни Большой театры не имели права, да и не захотели бы хоронить прах беспокойного и не очень значительного своего служащего в заповедной земле, предназначенной в лучшем случае для народных артистов СССР.

Вся эта таинственная история завершала долгую, сложную и жестокую игру вокруг писателя и его произведений. Булгаков об этой игре знал, постоянно видел в своем доме явных и тайных соглядатаев, глубоко переживал невозможность высвободиться из невидимых пут тягостного и опасного внимания: «Вот уже несколько лет, как в Москве и за границей вокруг моей фамилии сплетают домыслы. Большею частью злостные».

И в другом письме: «Судьба моя была запутанна и страшна». Только смерть разрубил этот узел.

Путь его был прям и потому опасен и труден, а сам ход событий и литературные недруги не раз пытались толкнуть его на дорогу, уводящую в сторону от истины. Вокруг него были тайные и явные враги и недоброжелатели, осведомители ОГПУ оказались среди друзей и близких писателя. Недаром Булгаков много думал и писал о «нелепости судьбы таланта». Как и Пушкину, судьба порой являлась ему в виде беспечной и жестокой силы, играющей с беспомощными существами. В одном из грустных булгаковских писем другу, философу П. Попову, сказано с горечью: «Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а Судьба берет меня за горло».

Однако это минутная слабость. Проработав немало лет в литературе и многое пережив, писатель уверенно говорил: «Главное — не терять достоинства». И когда во МХАТ позвонила из «Литературной энциклопедии» наглая редакторша и спросила, не перестроился ли автор «Дней Турбиных» после критики, Булгаков, узнав об этом, резко заметил: «Жаль, что не подошел к телефону курьер, он бы ответил: так точно, перестроился вчера в 11 часов».

В нем чувствовалась воля к жизни и творчеству, упрямая убежденность в правильности раз выбранного пути. И зрячее бесстрашие. В 1928 году Булгаков спокойно сказал в присутствии заведомого доносчика знаменательную фразу: «Советский строй — хороший, но глупый, как бывают люди с хорошим характером, но неумные». И, тем не менее, до конца жил и работал при этом неумном, хитром и жестоком строе. Ибо такова судьба русского писателя: жить и творить в реальной России, какая бы она ни была.

Недаром смертельно больной И. Ильф, приходя к Булгакову, печально говорил: «Вы счастливый человек, без смуты внутри себя». Конечно же, самолюбивый, нервный и ранимый писатель знал и великие сомнения, минуты полной безнадежности и отчаяния, страдал от вечного неустройства жизни, постоянного гнета и клеветы, неудач, обманов и предательств. И все же написал в либретто оперы «Минин и Пожарский» удивительные слова: «Мне цепи не дают писать, но мыслить не мешают».

Страшное давление бесчеловечной «системы» Булгаков ощущал постоянно, и в 1936 году один из его «друзей дома» передал в НКВД горькие слова опального драматурга: «Я похож на человека, который лезет по намыленному столбу только для того, чтобы его стаскивали за штаны вниз для потехи почтеннейшей публики. Меня травят так, как никого и никогда не травили: и сверху, и снизу, и с боков... Я поднадзорный, у которого нет только конвойных». И в пьесе «Александр Пушкин», предназначенной для мхатовской, то есть официально-«придворной» сцены, драматургом объяснена и предсказана собственная судьба: «Гибель великого гражданина совершилась потому, что в стране неограниченная власть вручена недостойным лицам, кои обращаются с народом, как с невольниками!..» Это услышали откормленные недостойные лица в правительственной ложе и нищий крепостной народ, сидевший наверху в галерке. И в то же время сила духа и жизни Булгакова была такова, что смогла создать и защитить от беспощадного давления бесчеловечной власти свой добрый, светлый, веселый, умный и талантливый мир, куда стремились усталые, отчаявшиеся, изолгавшиеся, даже заведомые негодяи и предатели. «Люди приходили к Булгакову отдохнуть, повеселиться», — говорил друг писателя Ермолинский на допросах в НКВД.

Этот мягкий и интеллигентный потомок орловских священников все видел, все понимал, был человеком мужественным и целеустремленным, находил в себе силы для того, чтобы преодолевать многочисленные препятствия, встречавшиеся на его писательском пути. О многом говорят известные слова Булгакова, сказанные 18 апреля 1930 года в телефонном разговоре со Сталиным: «Я очень много думал в последнее время, может ли русский писатель жить вне Родины, и мне кажется, что не может». И был прав,

ибо такие книги, как «Мастер и Маргарита», не пишутся в парижской квартире или американском уединении.

Булгаков жадно любил живую жизнь, ее удовольствия и наслаждения, ценил материальный комфорт, ту внутреннюю свободу, которую дают деньги. В 1939 он писал в Париж жене друга, писателя-эмигранта Евгения Замятина: «Так как мне точно известно, что нужно для счастья человека, то этого и желаю Вам: 1) здоровье, 2) собственная вилла, 3) автомобиль, 4) деньги. Все прочее приложится». Но все же ничего этого у бесправного, затравленного, нищего советского писателя Булгакова никогда не было и быть не могло.

Михаил Булгаков стал классиком отечественной и мировой литературы, и могучие силы, ему препятствовавшие или стремившиеся погубить, вынуждены были отступить перед этой непонятной им мужественной стойкостью. Книги его, появляясь одна за другой, принесли их автору всемирную посмертную славу. Вышло двумя изданиями пятитомное собрание сочинений Булгакова, появляются новонайденные редакции «Белой гвардии» и «Мастера и Маргариты», ранние рассказы и фельетоны, письма, дневники, пьесы либретто, сценарии, воспоминания современников, многочисленные книги и статьи о писателе. Столетие со дня его рождения отмечалось во всем просвещенном мире.

По данным ЮНЕСКО Булгаков стал одним из самых читаемых писателей XX века, теперь мы смело называем его великим, гением, о чем раньше нельзя было и помыслить. И все же имя автора «Мастера и Маргариты» — не просто века в истории литературы. Его живые книги не должны заслонять самобытного человека, замечательную, сильную духом и верой личность, честного русского писателя, сумевшего прожить столь трудную, счастливую, богатую творчеством и поступками жизнь и обрести свою непростую судьбу в истории и литературе XX века.